

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

Власть и общество в России: кризис 90-х годов

Понятия "власть", "общество", "личность" - предельно широкие социологические категории. Вместе с тем это (в особенности два первые) укоренившиеся в массовом сознании понятия.

В российском массовом сознании 90-х годов XX века власть - инстанция субъектности и ответственности. Она как бы изобретена для того, чтобы отвечать на вопрос "Кто виноват?". Именно власть "во всем виновата". Власть - это "Они", которые стоят над "Нами" с пряником и кнутом (на разных этапах в разной пропорции) и вынуждают "Нас" делать то, что "Им" хочется. А "Мы" - это общество, которое всегда право по отношению к власти, ибо общество - некоторая субстанция или почва, на которой произрастает власть. Политический строй при этом отвечает на вопрос, существует ли власть для общества или общество для власти.

Общество - это народ, определенным образом структурированный. Демократическое устройство характеризуется приоритетом общества по отношению к власти. Здесь основное отношение между ними состоит в том, что власть обязана "выражать интересы народа, или общества". Она оценивается в массовом сознании именно с этой точки зрения и в этой формулировке (хорошая власть действует в интересах общества и народа, плохая - вопреки интересам того и другого). При этом массовое сознание сталкивается с некоторой проблемой, которая переносится в область постоянной дискуссии, - почему и каким образом власть, выражая интересы общества (общественного прогресса), наносит ущерб интересам народа. Для ответа на этот вопрос нередко прибегают к понятию "революции" (табуированном в современном российском политическом лексиконе). В рамках такой теоретической конструкции народ оказывается носителем консервативного начала в обществе, а власть - двигателем прогресса, подчас антинародного.

Эта точка зрения существует не только в массовом сознании, но и в ряде научных дисциплин, в том числе в исторической науке. Например, под этим углом зрения оцениваются петровские реформы, Октябрьская революция 1917 года (в иной терминологии - катастрофа).

В политологии эта же концепция приводит к различению тоталитаризма и демократии. Тоталитаризм - такая организация всех общественных отношений, которая обеспечивает полное (тотальное) подчинение народа и личности интересам власти; демократия - организация власти, обеспечивающая ее функционирование в интересах общества и народа. Такого рода формулы оказываются методологически значимыми в том смысле, что они работают как своего рода базовые категории теоретического и политического дискурса. Это система координат, с помощью которой формулируются все остальные исторически и политически значимые суждения и оценки.

З д р а в о м ы с л о в Андрей Григорьевич - доктор философских наук, директор Центра социологии национального самосознания Российской независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), президент Профессиональной социологической ассоциации.

Следует подчеркнуть: понятия "власть", "общество" и "личность" остаются не только самыми широкими, но и неустраняемыми категориями политического дискурса, между прочим, и в силу того, что отношения между обозначаемыми сущностями постоянно наполняются новым содержанием. Вряд ли можно предсказать некую гармонию между этими составляющими социального процесса. Скорее, наоборот - будут возникать новые конфронтации и конфликты, раскрывающие новые грани социальной реальности. Возможно, дело в том, что в самих этих понятиях фиксируется различный уровень и характер субъектности, что имеет принципиальное значение как для понимания источника социальных изменений вообще, так и для осмысления того, что происходит в России. Язык политики, выдвигая на первый план то один, то другой момент этой триады, как бы стихийно учитывает эту много-субъектность исторического процесса.

Касаясь вопроса о соотношении исторического и социологического знания в трактовке исследуемых понятий, стоит напомнить латинское изречение "Quod licet Jovi, non licet bovi" ("что дозволено Юпитеру, не дозволено быку"). Историк может себе позволить рассуждать с позиций "все возвращается на круги своя" и предлагать нам конструкции, основанные на аналогии. Социологу это не позволено. *Социологическое мышление ориентировано на выяснение уникальности момента с помощью определения специфики субъекта действия в пределах данного исторического отрезка времени, обозначаемого как современность.* Социология должна идти дальше в своих аналитических построениях, чем массовое сознание, историческая наука и даже политология. В силу этого наблюдается еще одно различие между историей и социологией. История имеет дело с тем, что уже состоялось, с реальностью, зафиксированной в прошлом. Время необратимо, прошедшее можно по-разному интерпретировать, но изменить нельзя. Социолог же анализирует то, что лишь формируется в данный момент, что содержит в себе разные возможности и варианты развития.

Эта разница особенно ощутима при рассмотрении проблем взаимодействия власти, общества и личности. Прежде всего потому, что вся совокупность агентов, действующих в поле политики, обозначает свои позиции, используя риторику защиты "интересов общества" или "национальных интересов" и определяя свое отношение к действующей власти в терминах поддержки или оппозиции, симпатии или враждебности. Позиции партий оказываются для исследователя своего рода ловушками, а "свобода от ценностей" или объективность как принцип научного рассмотрения проблемы становятся трудно достижимыми, так как предмет анализа здесь - сама борьба за власть и влияние, постоянно меняющая конфигурацию политического пространства. Разумеется, и историческая наука, как всякое гуманитарное знание, не свободна от господствующих интересов и точек зрения. Известно же определение исторической науки как политики, обращенной в прошлое. Эта сторона дела особенно явно обнаруживается в моменты переосмысления прошлого страны.

Проблема власти в социологической теории

Проработка вопросов, связанных с выяснением взаимоотношения власти и общества, шла в социологии с момента ее вычленения в самостоятельную область знания. В рамках социологии возникла классовая концепция власти, которая определяет власть (государство) как совокупность институтов, выражающих интересы господствующего класса (марксистская традиция в социологии). Большое место в данной теории занимает концепция отчуждения власти от общества¹.

М. Вебер уточняет марксистский анализ с помощью концепции государства как органа легитимного насилия, которое предполагает определенную степень согласия

¹ Эта концепция использована Н. Лапиным для анализа кризисных отношений между властью и обществом в советский период [1].

общества с действиями государства. Как известно, он выделяет три способа осуществления власти: основывающийся на традиции, на харизме (определенном способе восприятия вождя) и на рационально сформулированных правилах. Все эти способы реализуют отношения господства (доминирования) и подчинения, которые представляют собой своего рода сердцевину социальной ткани, ибо ни одно общество не может существовать без разделения на тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Это основное классовое деление всякого общества. Отсюда - понятие политического класса как правящего слоя общества и политической элиты как актуализировавшейся части политического класса. Политическую власть Вебер отделяет от власти экономической (хозяйственной), опираясь на анализ политики как специфического рода деятельности, апеллирующей всегда к интересам общества, народа, государства, нации [2].

Э. Дюркгейм сосредоточивает внимание на вопросе о роли коллективных представлений, рассматриваемых им как "социальные факты" особого рода. Благодаря этому вводится новый ракурс в проблематику соотношения общества и власти. Важны именно "коллективные представления" (устоявшиеся и воспроизводящиеся стереотипы восприятия): как сложившиеся в обществе относительно власти, так и во власти - относительно общества. В структуре коллективных представлений Дюркгейм разграничивает "священное" и "светское". Общество как реальность надиндивидуального плана становится источником религиозного сознания: "Бог есть прежде всего существо, о котором человек думает как о более возвышенном, превосходящем его самого, и свою зависимость от которого он постоянно ощущает" [3]².

У Т. Парсонса власть связана с политической подсистемой, специфика которой состоит в целеполагании по отношению к обществу в целом. Кроме того, по Парсонсу, власть представляет собой генерализацию всех (любых) общественных отношений. Это своего рода генерализованный язык, понятный всем членам общества и всем социальным группам. Он обеспечивает функционирование политических отношений точно так же, как деньги обеспечивают функционирование отношений экономических.

Стоит упомянуть и идею вездесущности власти, разработанную М. Фуко, обратившего внимание на отношения господства, реализуемые с помощью "записи на теле" охраняемых правил поведения. Проще говоря, речь идет о системе жизненных угроз со стороны "надзирателя", которые были и остаются инструментом осуществления власти во всяком обществе.

Наконец, современный анализ проблематики власти вряд ли может быть осуществлен без понятия поля политики, разработанного другим французским социологом - П. Бурдьё. В поле политики осуществляется воспроизводство и обмен различных форм политического и символического капитала, которые и представляют собой необходимое условие существования власти. Для понимания взаимодействия власти и общества особое значение имеет вопрос о возможностях пересечения поля политики с полем экономики и культуры. "Поле политики является исторически сложившимся пространством политической игры с ее специфическими целями и интересами, собственными законами функционирования... это поле можно характеризовать также и как пространство власти, пространство политических позиций и практик, политическое производство и т.п." [5, с. 5].

Постановка и обсуждение названных проблем в современной социологической литературе позволяет более глубоко и разносторонне понять природу взаимоотношений между властью и обществом. Классовое содержание власти - защита и выражение классовых интересов - лишь один из моментов, необходимых для понимания проблемы. Классическое понимание власти сопряжено с традицией экономического детерминизма, так как сами классы или иные "общественные силы, определяющие политическую борьбу", структурированы экономически и руковод-

² Н. Покровский обращает внимание на иной момент в наследии Дюркгейма - на возможность анализа российского общества сквозь призму категорий нормы и аномии [4].

ствуются материальными интересами. (Большая часть российской публицистики и политической аналитики остается в плену этих представлений.)

Социологией XX века основной упор сделан на следующих проблемах, получивших особый смысл именно в этом столетии:

- углублении представлений о политике как системообразующей сфере деятельности по отношению к обществу. Это связано с преодолением экономического детерминизма в объяснении взаимодействия общества и власти, равно как и с преодолением утилитаристского подхода к пониманию мотивации поведения человека;
- анализе механизмов согласия (принятия власти), которые задаются в значительной степени состоянием культурного поля. Здесь особое значение приобретают коллективные представления о рациональности и легитимности властных институтов;
- выявлении трансформации инструментов осуществления властного господства: от прямого насилия как "записи на теле" к значению всеобщей письменности и всеобщего образования как условий функционирования институтов демократии, равно как и роли биографии для становления личностного самосознания;
- подчеркивании специфики политического капитала как ресурса власти в обществе, использующего экономической и символический капитал для своего самоутверждения;
- выделении специального круга проблем, связанных с насилием как совокупностью практик, осуществляемых не только государством, но и проникающих в культуру повседневного общения.

Иррационализация политической реальности России в период реформ

Обратим внимание на ряд событий, последовательность которых меняла структуру российского поля политики на протяжении полутора десятка лет. В качестве точки отсчета может быть взято провозглашение перестройки, демократизации и гласности в 1987 году. За революционной фразеологией вскоре последовали и весьма радикальные изменения в институтах власти: Съезд народных депутатов (весна 1989 года), отмена 6-ой статьи Конституции СССР, появление института президентства в масштабах Союза, попытка переключить систему управления страной с партийных структур на более демократические органы советской власти, использование силовых практик в национально-этнических конфликтах. Одновременно в стране возникает массовое, антикоммунистически ориентированное демократическое движение.

В ходе выборов новая демократия одерживает ряд внушительных побед над КПСС и ее кандидатами. Получив российского вождя в лице Б. Ельцина, демократы форсируют распад СССР, что приводит к изменению не только политического режима внутри страны, но и политической карты мира. В результате революции создается новая политическая реальность, возникает новая страна - Россия, которой еще предстояло самоопределиться.

Следующий этап (1991-1993 годы) характеризуется борьбой за выбор основного вектора развития Российской Федерации, закончившийся известными событиями сентября-октября 1993 года и выборами первого состава Государственной Думы с одновременным референдумом по новой Конституции (декабрь 1993 года)³. Затем наступают первый этап чеченского кризиса (1994—1996 годы); избирательная кампания

Проведение референдума по проекту новой Конституции через несколько недель после расстрела парламента было гениальной находкой ельцинского режима. Несмотря на определенную ущербность результатов голосования [6, с. 153]. были определены легитимные рамки российской государственности и политического процесса. Конституция декларировала приоритет гражданских прав, сформулировала принципы федеративного устройства России, определила структуру власти и ритм основных демократических процедур - президентских выборов и выборов в Государственную Думу. Добровольное сложение с себя президентских полномочий Б. Ельциным 31 декабря 1999 года показало, что принятые конституционные положения не были пустой формальностью.

и президентские выборы 1996 года; отставка правительства В. Черномырдина (23 марта 1998 года); августовский кризис 1998 года и последовавшая затем правительство чехарда, окончившаяся назначением премьер-министром В. Путина, объявленного одновременно преемником Президента Российской Федерации⁴; второй этап чеченского кризиса, радикально отличающийся от первого.

Охарактеризованная выше совокупность событий представляет собой результат развертывания целой серии внутренних конфликтов, вызревавших еще в рамках советского общества и трансформировавшихся в новых условиях. Стоит подчеркнуть еще раз, что постсоветское политическое пространство изменялось на основе многополюсного (а не двухполюсного) конфликта. Кроме того, ни одна из его сторон не имела четкого плана действий: каждая лишь реагировала на акции противоположной стороны. Именно поэтому пятнадцатилетний ход событий был стихийным и непредсказуемым, решающую роль приобретали случайные обстоятельства, личностные качества руководителей и в первую очередь Ельцина, стремление не упустить выгодный момент для очередного удара по оппоненту или противнику. В ходе этой борьбы противники многократно меняли свои позиции - раскалывались и объединялись, переходили от беспредельной преданности к предательству своих лидеров, обретали поддержку общественного мнения на одном этане, чтобы мгновенно ее растерять на следующем, предпринимали попытки действовать в нужном направлении, но, столкнувшись с первыми трудностями, быстро и радикально меняли курс. При этом они не забывали обвинять друг друга с тем, чтобы объяснить самим себе и обществу постигшие их неудачи. Весь этот политический ландшафт представлял собой такое состояние политического пространства, которое следует охарактеризовать как *доминирование демонстративной иррациональности*.

Все дело в том, что на рациональность как политического действия, так и мысли никто и не претендовал. Рациональность предполагает осмысленную вербализацию целей политики, причем осмысленную настолько, чтобы эти цели можно было бы объяснить населению, людям, электорату. Она подразумевает опору на некоторую совокупность общепризнанных ценностей, т.е. некоторый ценностный консенсус, а также последовательность и настойчивость в достижении сформулированных целей. Но в реальной политической практике ничего подобного не наблюдалось. Наиболее адекватной формулой десятилетия стала знаменитая фраза премьер-министра Черномырдина: "Хотели как лучше, а получилось как всегда". В ней выражена неадекватность декларируемых целей и результатов экономической и социальной политики.

Следующая характеристика уходящего десятилетия состоит в том, что формирование нового правящего (политического и экономического) класса происходило при опоре на сравнительно узкий социальный слой, который можно было бы назвать *активным меньшинством*. С помощью правительственных мер создавалась привилегированная группа людей, получивших в ходе приватизации благоприятные условия доступа к общественным ресурсам, лицензии и льготы на внешнеторговые операции. На первом этапе официальная доктрина реформ объявляла средний класс опорой власти. Однако практика экономических мероприятий правительства самым решительным образом разошлась с провозглашенной доктриной. Это и стало основным рычагом формирования узкого слоя олигархов, который вступил в борьбу за доминирование на поле политики. Такой поворот обернулся угрозой коррупции всех звеньев и структур государственного аппарата. Все отношения в обществе оказались

⁴ За всеми этими правительственными перестановками просматривается попытка оптимальным (с точки зрения Ельцина) способом решить вопрос о преемственности власти. Можно даже просчитать некоторые критерии, которыми он руководствовался. Преемником должен был стать человек нового поколения, который бы по возрастным параметрам не отторгался от клуба руководителей в мировом сообществе. Он должен был быть государственным, обладающим решительностью и сильной волей для противостояния различным влияниям. Он должен был быть современным политиком, обладающим значительным культурным капиталом, и, наконец, он должен был гарантировать преемственность по отношению к ельцинскому режиму.

окрашенными в цвета теневой экономики. Соккрытие доходов и "двойная бухгалтерия" стали нормой, а не девиацией. Что же касается *большинства населения* (в определенном смысле "общества"), то для него либеральные реформы обернулись резким снижением жизненного уровня, социального статуса, ограничением жизненных потребностей и ущемлением интересов.

Основанием обнаружившейся демонстративной иррационализации стал возникший в ходе реформ *разрыв между обществом и властью*. Новый политический класс все в большей мере стал ощущать свою самодостаточность⁵. Он стал реальным субъектом построения особого мира, в котором политический капитал, возникший сперва как капитал доверия, быстро превращался в такие ресурсы, как недвижимость и государственные ценные бумаги, обретение жилья и связей в столице, деловые поездки за рубеж и на отдых на престижных курортах, заграничное образование для детей и внуков и т.д. Обмен политического капитала на ресурсы личного благосостояния стал основной реальностью, с которой столкнулся политический деятель новой России. И он стремится не упустить представившиеся возможности, инстинктивно чувствуя их недолговечность.

Следующий компонент, составляющей демонстративную иррациональность политики, заключается в отношениях внутри правящего класса. Это десятилетие характеризовалось не только высокой степенью социальной дифференциации [7], но и крайней неустойчивостью состава политической элиты, в особенности ее высшего эшелона. За годы ельцинского правления сформировался стиль политического фаворитизма, сопряженный с быстрой сменой ближайшего окружения президента. А. Рущкой - Р. Хасбулатов, Э. Бурбулис - Е. Гайдар, А. Коржаков - М. Барсуков, А. Чубайс - Т. Дьяченко, В. Юмашев - А. Волошин и иные пары стали символическими обозначениями меняющегося политического пространства с неопределенным вектором изменений.

Смена лидеров политического истеблишмента не сопровождалась какой-либо рациональной аргументацией. "Общество" же не без оснований воспринимало эти изменения в качестве симптомов продолжающейся борьбы за власть и влияние в самом центре власти, который представлялся все более неустойчивым и ненадежным. Эти неустойчивость и неопределенность подкреплялись свидетельствами, подрывающими авторитет высшей власти в стране, которая демонстративно пренебрегала задачей конструирования своего публичного образа⁶. Политический режим оказался паллиативом демократического (в смысле "всенародного избрания") президентства и постоянно демонстрируемого "самодержавия", которое должно было бы опираться на дореволюционную российскую традицию.

Еще раз обратим внимание на конфронтационность как специфическую черту последнего десятилетия. Тем Карфагеном, который должен был быть разрушен в результате преобразований, был "тоталитарный режим", а главным врагом - "советский человек". Исторический образ России и СССР, предложенный А. Солженицыным⁷, был с готовностью воспринят официальными структурами и средствами массовой информации. В качестве доминирующей возникла *тема "двойного реванша"*

⁵ "Посттоталитарная история политической деятельности в России - это история эмансипации политических отношений, их освобождения от "идеологических" и экономических отношений" [5, с. 8].

⁶ Проследившая основные этапы правления Ельцина, Л. Шевцова выделяет 1994 год в качестве начальной точки деградации режима: "С конца 1994 года президент предстал перед всеми как человек, который не хотел прислушиваться к голосу разума. Все увидели замашки самодержца, нежелание признавать ошибки и упрямое стремление идти до конца... Поведение Ельцина смущало многих даже в его собственном окружении. Пугало несоответствие между огромной властью, которой он обладал, и его невоздержанностью, неспособностью быть адекватным..." [6, с. 187, 188]. Можно сказать, что главная особенность Ельцина как политика состояла в огромной разнице между отношением к власти в тех случаях, когда за нее надо было бороться, и тогда, когда победа в этой борьбе уже одержана. Его личностные качества оказались в совокупности своей неадекватными тем функциям, которые происходили из позиции главы государства.

⁷ Интересный анализ роли Солженицына дал Д. Цыганков [8].

(по отношению к сталинизму и к революции). Можно утверждать, что в 90-е годы идеология белого движения времен гражданской войны одержала верх над идеологией красных. Система образования начала ориентироваться на исключение советского периода из российской истории и политики, что стало средством архаизации образа России.

Само понятие "Россия" заняло то системообразующее место, которое ранее в политическом дискурсе играли такие понятия, как социализм и капитализм. Были предприняты попытки интерпретировать российскую национальную идею в духе знаменитой уваровской триады. Начались попытки размывания значения победы СССР в Великой Отечественной войне, главным образом опиравшиеся на отождествление сталинизма и фашизма. Сложнейшие исторические процессы, пережитые российским и советским обществом в XX веке, пытались объяснить тремя понятиями (демократия, тоталитаризм и борьба за власть), доводя до крайности примитивизацию объяснительных схем и формул. Главный смысл этой трансформации сознания состоял в том, что вся интеллектуальная энергия концентрировалась в области задач разрушения прошлого, но отнюдь не созидания новых общественных отношений. Предполагалось, что эти отношения сложатся сами собой, поскольку рынок и демократия - якобы естественные свойства "нормального" общества. Активное меньшинство построит соответствующие институты в интересах общества, а те, кто не смогут приспособиться к этим институтам, выпадут в *underclass*, в нищету, "куда им и дорога".

Важным основанием рациональной политики во всяком обществе является интерпретация национальных (общегосударственных) интересов. На первом этапе демократических преобразований приоритет общенациональных интересов России был подорван общим кризисом государственных институтов и учреждений. В этой связи идея национальных интересов как интересов общегосударственных была изъята из обращения. Интересы России рассматривались тогда как противостоящие интересам СССР, а *внутренняя и внешняя политика строилась на противопоставлении всему советскому*: там была экономика, основанная преимущественно на планировании, - здесь должна быть экономика свободной игры рыночных интересов (именно так понималась экономическая свобода); там был военно-промышленный комплекс - здесь должна быть конверсия военной промышленности; там был Варшавский договор как основа военного могущества социалистического лагеря - здесь все войска немедленно выводятся с территорий соседних государств, без учета того, где и как они будут обустроены внутри России; там была напряженность в отношениях с Западом - здесь министр иностранных дел становится "западным министром" (так охарактеризовал свою позицию бывший министр иностранных дел России А. Козырев в одном из выступлений по телевидению в апреле 1999 года).

Разумеется, советская система обладала многими пороками (особенно с точки зрения тех критериев, которые воспринимаются сегодня в качестве "нормы"), но нельзя забывать и то, что она создала мощные стимулы развития общества и каналы социализации личности, действенные для своего времени⁸. Речь идет не об оправдании ГУЛАГа, а об уважении к памяти нескольких поколений людей, для которых "строительство социализма и защита Родины" были содержанием жизни.

Наконец, одна из основных коллизий, которую никак не мог рационализировать политический режим 90-х годов, состояла в несоответствии демократических деклараций и практики применения насилия. Эта коллизия проявилась прежде всего в развертывании чеченского кризиса, инициированного во многом российскими властями.

Кризис государственности самым непосредственным образом задел силовые структуры новой России. Статус военного человека кардинально изменился вместе с

⁸ Попытки преодолеть "тоталитарный синдром" при анализе проблем советского общества можно найти у Н. Козловой, Л. Ионина, В. Волкова [9-11].

мотивацией военной службы. Огромную роль здесь сыграли изменения финансирования и материального обеспечения воинского контингента. Офицерский корпус не только сократился, но и был поставлен перед необходимостью приспосабливаться к рыночным условиям. В начале 90-х в стране возник неконтролируемый рынок оружия. В то же время законное применение насилия ради поддержания правопорядка утрачивало легитимность, и использование силы передавалось в руки вновь создаваемых (в соответствии с вновь принятым законом) частных охранных структур. Неоднократные изменения названий и статуса общегосударственных силовых ведомств, частые кадровые перемещения создавали обстановку весьма слабой управляемости армии, милиции, органов государственной безопасности.

В этой ситуации естественным образом возникла концепция необходимости "малой войны", которая должна была бы приостановить распад силовых структур и восстановить престиж армии. Такая потребность без особого труда превратилась в идеологию защиты целостности российского государства, которая в 1993-1994 годах блокировала возможность переговоров с руководством Чечни. Чеченский кризис 1995-1996 годов идеологически был обоснован не только сепаратизмом чеченских лидеров и амбициями Д. Дудаева. Он опирался на своеобразную трактовку российских национальных интересов. По сути, "чеченская война" - результат кризиса российских силовых структур.

Далее применение насилия как средства разрешения политических конфликтов стало превращаться в самостоятельный фактор политики. В этом контексте логичным представляется последовательное выдвижение трех руководителей силовых структур на пост премьер-министра страны. Но вместе с тем этот фактор стал весьма важным и для общества. Возрастание роли "силовиков" в политике означает коррекцию вектора демократии в сторону военизированного стиля управления и авторитаризма.

Еще одна составляющая иррационализации поля российской политики состоит в архаизации образа страны. Основным пафос здесь связан с попытками восстановить монархически-православную систему ценностей как якобы присущую России в силу ее особого менталитета или геополитического положения. Демонстративные акции политиков обозначают ожидаемый вектор развития, в котором церкви отводится роль важной составляющей нового политического режима. Предполагается, что таким образом будет обретаена Вера в качестве основания нравственных устоев, в частности препятствующих коррупции чиновничества и криминализации общества. Здесь также наблюдается переход к крайностям: вместо атеистического государства советского периода предлагаются религиозные основания государственной политики. Российская политика не желает идти и в этом случае срединным путем, т.е. путем строительства светского государства при отделении школы и всей системы образования от церкви.

Таким образом, мы рассмотрели основные аспекты иррационализации политической реальности. Анализ позволяет сформулировать ряд выводов, предостерегающих от ошибок недавнего прошлого.

О некоторых уроках десятилетия

Примечательным для конца 90-х годов оказалось возникновение некоторой новой тенденции в умонастроениях россиян, которая зафиксирована в нескольких репрезентативных опросах. Речь идет о возникновении некоторой надежды на ближайшие перспективы. С 1992 по 1998 год "индекс надежды" на каждый последующий год, фиксируемый в конце уходящего года, колебался от 13% до 20%. Надежда на 2000 год подскочила до 28%. Несколько уменьшился индекс усталости и безразличия страха, растерянности и озлобленности. Приведенные данные ВЦИОМ подтверждаются и результатами опроса, проведенного РНИСиНП. Согласно этим данным в конце 1999 года - с октября по декабрь - доля респондентов, испытывавших страх и отчаяние,

уменьшилась более, чем в три раза, и увеличилась доля тех, кто испытывал эмоциональный подъем [12].

Это еще не перелом настроений, а лишь некоторые признаки позитивных сдвигов, которые желательны было бы закрепить. Данные эмоциональные состояния представляют собой фон, который, несомненно, проникает в поле политики. Появляется возможность, опираясь на фактор надежды, рационализировать отношения между властью и обществом. Разумеется, это только возможность, реализация которой будет в значительной степени зависеть от того, насколько успешным окажется преодоление иррациональности ельцинского политического режима.

Попытаюсь сформулировать ответ на вопрос: в чем же состоят главные уроки уходящего периода?

Во-первых, на мой взгляд, должно быть отчетливо продемонстрировано в высших эшелонах политической власти стремление к рационализации российской ситуации, прежде всего в вопросе о взаимоотношениях власти и общества. Необходимо продемонстрировать ясность политической воли, основанной на понимании России как части мирового сообщества и Европы. Ввести в политический оборот понятие "интересы России" в смысле общегосударственных интересов, сопоставляемых с интересами других стран и государств. В то же время ни в коей мере нельзя допускать фетишизации России и иррационализации в трактовке ее национальных интересов. Умение провести эту линию в жизнь - предпосылка восстановления доверия общества к государству и власти.

Во-вторых, в политической практике необходимо исходить из того, что преобразования, начавшиеся в середине 80-х годов, еще не закончены. Возврат к прошлому исторически невозможен, а критерием успеха реформ должен стать рост экономики (на основе рыночных отношений) и благосостояния всей массы российского населения, а не отдельной его части.

В-третьих, было бы ошибкой предпринимать меры, направленные на радикальный пересмотр политического курса, сформировавшегося в ельцинскую эпоху. Политическое развитие страны должно осуществляться в конституционных рамках, имея в виду и то, что Конституция России также может корректироваться.

В-четвертых, необходимо скорректировать отношение к прошлому - прекратить огульное охаивание собственной истории, легитимировать Октябрьскую революцию на основе признания ценностей обеих сторон, участвовавших в гражданской войне, отказаться от идеологии реванша по отношению ко всему советскому периоду российской истории, бережно относиться к памяти тех, кто пали на полях сражений в Великой Отечественной войне, признать, наконец, что горбачевские реформы создали мощные предпосылки для последующих преобразований.

В-пятых, свести к минимуму применение вооруженных сил в разрешении политических конфликтов и противостояний. Особое внимание обратить на двойственный характер того ресурса, который создан и использован в период преодоления чеченского кризиса. С одной стороны, необходимо признать подвиг российских воинов в этой войне, с другой - отдавать себе отчет в опасности тенденций к милитаризации и авторитаризму, представляющих реальную угрозу демократическому развитию страны. В целях преодоления этого конфликта необходима поддержка переговорных практик и институтов, включая феминизацию политического класса в российском обществе.

Наконец, *в-шестых*, обратить внимание на выработку правил экономического и политического поведения представителей политического класса страны. В решении этой задачи важна не только законодательная деятельность, но и нравственный пример со стороны высших лиц в руководстве страны. И особенно важно - постоянное внимание к конструированию позитивного образа власти в общественном мнении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Латин Н.И.* Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.
2. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990,
3. *Durkheim E.* Society and Individual Consciousness // *Theories of Society.* New York, 1962. Vol. 2. P. 720.
4. *Покровский Н.Е.* От кризиса ценностей к обретению нравственных ориентиров // *Россия: поиск пути.* М., 1999.
5. *Качанов Ю.Л.* Производство политического поля в современной России // *Социс.* 1997. № 11. С. 5.
6. *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999.
7. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.
8. *Цыганков Д. Б.* "Властитель дум" в поле политики: опыт соанализа // *Социс.* 1999. № 1.
9. *Козлова Н.* Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996.
10. *Ионин Л.* Свобода в СССР. СПб., 1997.
11. *Волков В.* Советская цивилизация как повседневная практика // *Куда идет Россия?..* Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
12. *Горшков М.* Граждане России об итогах 1999 года и надеждах на 2000-й // *Независимая газета.* 2000. 14 января.

© А. Здравомыслов, 2000